

Валентин Тарасов

кому в цирке не смешно

Содержит сцены употребления алкоголя и табачных изделий. Алкоголь и курение вредит здоровью.

Валентин Тарасов

Кому в цирке не смешно

«Де'Либри»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Тарасов В.

Кому в цирке не смешно / В. Тарасов — «Де'Либри», 2025

ISBN 978-5-4491-2962-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга — сборник рассказов, в которых оживает уникальный мир армейской службы. Тут есть и весёлые случаи из офицерской жизни, и серьёзные испытания, которые формируют характер и проверяют на прочность. Эти истории написаны человеком, знающим военную службу изнутри, и потому наполнены живыми деталями, юмором и уважением к судьбе офицера. «Доктор Потёмкин» и другие рассказы открывают перед читателем мир, где армейский быт переплетается с человеческой теплотой, дружбой и философским взглядом на жизнь. Книга станет интересной не только для тех, кто знаком с военной службой, но и для широкого круга читателей, ценящих честный и живой рассказ о людях и их судьбах.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4491-2962-8

© Тарасов В., 2025
© Де'Либри, 2025

Содержание

Panem et circenses	6
Золотая долина	12
В далекий край	12
Две школы	13
Доктор Потемкин	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валентин Тарасов

Кому в цирке не смешно

© Тарасов В., текст, 2025

Panem et circenses

*Ты помнишь,
как все начиналось?*
(А. Макаревич¹)

Первый курс – без вины виноватые. Суббота в казарме, вечер, беды никто не ждал. После подшивки воротничков под наблюдением младших командиров, как правило, назначенных из хлебнувших нелегкой службы вчерашних срочников Советской Армии и Военно-Морского флота, мы, вчерашние школьники, собирались в «чепок», к бабе Кате, коржиками с теплой бурдой наполнить ожидающие топлива желудки. После летнего лагеря, где надели курсантскую форму, приняли военную присягу, привыкли к сапогам с портянками, побегали на зарядку с голым торсом и обжились в палатках, будни в казарме текли в новом русле.

Из ленинской комнаты, казарменного очага культуры, доносились звуки шестиструнной гитары и мягкий голос курсанта второго взвода Анкудинова. Сергей пел знаменитый шлягер той поры: «А ты опять сегодня не пришла, а я так ждал, надеялся и верил...» Отсек расположения первого взвода покинул и тоже направился в ленинскую комнату гвоздь программы от 23-й роты предстоящего осеннего смотра художественной самодеятельности курсант Шнейдеров, главный балалаечник училища, репетировать исполнение мелодии песни «А я иду, шагаю по Москве...». Курсанту Егорову, который в уме считал, как на калькуляторе, помогал готовить номер Виталий Санков, накидывая примеры.

В темном дальнем конце казармы рядом с каптеркой Леха Неудахин тягал железо, напрягая и без того неплохие формы торса и бицепсов, за ним повторял все движения Вадим Комаров. Они и Саня Гушин, ярославские парни, поступили в училище, бросив учебу в политехе, хотя в то время разные телевизионные персонажи очень любили порассуждать о неинтеллигентности военной профессии. Ротный поручал им задания, которые не мог дать пацанам после десятилетки.

В светлом противоположном конце казармы рядом с бытовкой Толик Гарцуев показывал свои статические упражнения Сане Белову и Сергею Парамонову, мол, и без железа можно достичь нужных результатов для телостроительства. Слово «бодибилдинг» мы тогда еще не знали.

Из помещения для умывания рядом с выходом доносились глухие удары боксирующих Жени Ухова и Юры Лимаева, которые готовились к предстоящей спартакиаде, но в разных весовых категориях. Со стороны это было соперничество Слона и Моськи: если Женя не успевал уйти с линии удара Лимаева, то отлетал прямо к стенке, прилипая к белой кафельной плитке.

– Ну, Юра, мы же договаривались! – обиженно ворчал Ухов.

– Женя, прости, не буду больше, – уговаривал его вспотевший Лимаев с большим желанием продолжить спарринг.

Физорг 23-й роты, дзюдоист из Донецка Эдик Фрольцов, наблюдая за работой боксеров, уже подбирал кандидатов для вольной борьбы, разложив на коленках синий блокнот с записями весовых категорий:

наилегчайший вес – до 48 кг

легчайший вес – от 48 до 52 кг

полупулегкий вес – от 52 до 57 кг

¹ Упомянутое в тексте физическое лицо включено Минюстом России в реестр иностранных агентов в соответствии с Федеральным законом от 02.12.2019 № 426-ФЗ.

легкий вес – от 57 до 62 кг

1-й полусредний вес – от 62 до 68 кг

2-й полусредний вес – от 68 до 74 кг

1-й средний вес – от 74 до 82 кг

2-й средний вес – от 82 до 90 кг

полутяжелый вес – от 90 до 100 кг

тяжелый вес – свыше 100 кг

«Василия Викулова в тяжелый вес загнать надо, – размышлял Фрольцов. – Можно попробовать, если ему перед взвешиванием банку сока выпить да кило пряников сжомачить. Там борцов с ним будет трое, так что призовое место обеспечено. Колю Лашко уговорю в наилегчайшем весе выступить, тоже призовое светит. Так, еще Миша Пленкин, Леха Мотор. Саню Белова взвесить надо, парень жилистый, потянет в...»

Внезапно дневальный на тумбочке курсант Луциков прервал идиллию перепуганным ревом: «Смирно!!!», известив дежурного, что ему нужно на выход. В расположение зашел командир роты. Выслушав доклад дежурного по роте сержанта Гордиенко, капитан Лазаренко приказал старшине роты следовать за ним. Его хмурое щекастое лицо и твердая даже в подпитии походка насторожила старшего сержанта Короля, который сам был удивлен внезапному появлению ротного, ведь он вчера предупредил его, что будет в эту субботу ответственным, но гости вдруг по пути, издалека приехали, так и так. Мол, если комбат или замполит наведуются, быстро пришлешь ко мне посыльного, я приду.

Александр Акимович отпустил семенящего за ним дежурного по роте, заговорщицки взял старшину под руку, завел с собой в канцелярию и плотно прикрыл дверь.

Курсант первого взвода Виктор Воробьев, проходя рядом с перекладиной, повис на руках, потом сделал три эффектных выхода на две руки.

Не все из нас еще умели так делать.

– Рота, строиться на улице! – громко скомандовал Король, выйдя через мгновение из канцелярии. – Заместители командиров взводов, ко мне!

Под глухой топот яловых сапог выходящего из расположения роты личного состава старшина сообщил своим верным помощникам о том, что сейчас пойдем в клуб.

– Первый взвод, баночки подравнять, быстро! – даже отдавая команды своим подопечным, сержант Доля подчеркивал свою принадлежность к Военно-Морскому флоту, где все не так, как в зеленой пехоте. – Вихарев! Тебя что, команда на выход не касается?

Вихарев посмотрел на командира исподлобья недобрый взглядом бывалого уличного забияки, неспешно поднялся с табуретки и побрел по коридору к выходу. Перед ним шагали курсанты Геворкян и Гарбузинский, придумавшие недавно для себя новое развлечение. Солировал Геворкян:

– Вова, – он обратился к младшему командиру Окрушко и правым локтем толкнул в бок приятеля, обращая его внимание. – Скажи мне, а что такое мастурбация?

Володя обернулся, ожидая от этих двоих очередного подвоха, но ответил почти уверенно:

– Вот когда у твоей жены такое будет – сам узнаешь!

– Гы-ы-ы, гы-ы-ы, гы-ы-ы, – рассмеялись все идущие рядом, а Геворкян добавил:

– Вова, у жены будет менструация! – и снова растянул своё «гы-ы-ы».

– Второй взвод, на выход! – слегка картавя, улыбаясь и моргая, приказал сержант Толя Рябков, который прибыл из погранвойск КГБ СССР и очень трудно расставался со своей любимой фуражкой с зеленой тульей при смене формы одежды в летнем лагере. – Кино так кино, хуле, правда? – он похлопал по плечу дежурного по роте Гордиенко, своего командира отделения.

За привычку моргать при разговоре взводные острословы стали называть Толю Моргунов. Так как известный актер с этой же фамилией носил имя Евгений, то наш замкомвзвод стал Женя Моргунов. Между нами.

– Третье отделение, на выход! – громко и нарочито строго продублировал команду еще один командир отделения сержант Сергей Соколов.

Подчиненные Сергея дружно переглянулись, улыбаясь глазами, потому что сразу вспоминали фильм «Судьба человека» и маэстро Сергея Бондарчука в роли сидельца в немецком концлагере, советского солдата Соколова, плюс особенно слова немецкого офицера: «Зёко-лофф, зёбака! Рюсский зёльдат много кушает, малё понимает».

– ...а она сидит у меня на коленях... а ее сосу... – закатывая глаза от испытанного еще школьником счастья, курсант Юрий Карасев рассказывал идущему рядом Виталию Санкову о своих успешных амурных приключениях.

– ...но это была уже команда *мастеров* по велоспорту, – отчаянно жестикулируя, курсант Саша Кравченко вел беседу с соседом по койке Сергеем Лоскутниковым.

– Не «мастеров», Саня, а мастеров! – широко улыбаясь, поправил своего земляка высокий светловолосый белорус Витя Сержан.

– А мне «лэвиса» подогнали – супер! – хлопая себя по талии, показывал воображаемые джинсы большой и добрый Слава Кливзун кому-то рядом.

– Да, – прапорщик Зимин продолжал рассказ о происшествии в своей летной части старшему сержанту сверхсрочной службы Ривкату Ханиеву. – Старлей был парень бравый, трахал все, что шевелилось вокруг, жена его страдала до такой степени, что решила руки на себя наложить. Не найдя лучшего способа, выбросилась из окна кухни в пятиэтажке, чтобы разбиться.

– Ни хера се, – поддержал Зимины Ривкат.

– Вот, – Зимин заканчивал. – На свою беду, именно в это время к подъезду подходил старый майор, на обед спешил, дак она ему прямо на голову свалилась.

– Еба-а-ать-копать, – даже в обычном разговоре эмоциональный Ривкат реагировал по-своему.

– В итоге майор помер, а ее откачали.

Их обогнал, желая выйти на улицу побыстрее, курсант Горшков, которого с подачи Ривката Ханиева теперь в шутку все называли Горчиков.

Как опытного воина, для слаживания нового ротного коллектива, Ханиева назначили в лагере «Песочное» старшиной. На одной из вечерних проверок, оглашая фамилии из списка, Ривкат громко прочел:

– Горчиков!

Тишина была ему ответом. Все молчали.

– Горчиков, бля-я-я!!! – взревел старшина.

Молчание.

– Где Горчиков, командиры, еб вашу?! – глаза Ханиева стали глазами собаки Баскервилей из знаменитой детективной повести сэра Артура Конан Дойла.

В это время из строя раздался негромкий невоенный голос:

– Извините, пожалуйста, может, Горшков?

Ривкат стал пунцовым от напряжения, взгляд уперся в этого несчастного курсанта, которого он теперь запомнит надолго.

– Горшков! – гаркнул старшина.

– Я! – выдохнул курсант.

Выдохнули все...

Черноволосый Миша Мясников, которого там же, в лагере, один из преподавателей, надеясь на свою память, не заглядывая на занятия в журнал, назвал курсант Мясникян, на ходу объяснял мне, как нужно правильно есть пельмени, понимая, что чепок уже нам, увы, не светит:

– Макаешь пельмешку на вилочке в уксус, а потом в разные приправы, их заранее приготовь, каждый краешек отдельно: сметана, горчица, перец, томатная паста...

В соседнем отсеке, располагавшемся ближе к выходу, были слышны подобные диалоги:

– Батя мой рассказывал, – Витя Бутов, шагая к выходу, развлекал курсанта Овчинникова. – Вез однажды на вокзал мамашу с ребенком. Непоседа еще тот, пацан глядел по сторонам, вертя головой, вдруг увидел справа огромного дога на поводке, его вел хозяин. «Мама, – кричит, – посмотри, какие у него яйца!» Мамаша зашикала на него, а батя ржал так, что чуть в столб не врезался.

– Мой отец в Америку ездил от АвтоВАЗа, обмен опытом, так сказать. – Женя Шумилкин продолжил тему отцов. – Оттуда крем классный привез. На лицо нанес – и ты как из Сочи приехал, загорелый.

Идущие рядом с Женей курсанты Кандыбо и Данилович недоверчиво переглянулись: загореть без солнца? Брехня-я-я.

– На вых-хад, Бурка, еп-п тфою мать! – кричал всегда горячий сержант Сардар Агаркерим оглы Исмаилов, сверкая золотыми фиксами вместо зубов под густыми черными усами.

– Заебаль, чурка, – на ходу посетовал Ваня, говоривший с чудаковатым сумским акцентом, своему земляку, шедшему рядом уроженцу знаменитой Жмеринки, невысокому, но юркому Толе Кривцу.

– Терпи, казак! Атаманом будешь! – Толя обнял Ивана правой рукой, и так они спускались по бетонной лестнице до выхода на улицу.

Старший сержант Король, выходя, осматривал расположение роты, но вдруг услышал шаги за своей спиной, развернулся.

– Шнейдеров! Ты под кроватью что ли прятался, свою балалайку искал? Бегом марш! Бегом на выход, умник!!!

Курсант побежал по коридору, смешно топая ногами. «Нет, не бравый парень, в знаменосцы точно не годится», – подумал, глядя вслед, высокий статный старшина роты.

– Иван! – Король, осмотрев последний туалет, заглянул в каптерку, где курсант Красовский неспешно пришивал на парадный китель новый красный шеврон. – На выход, быстро!

Когда все стихло, из канцелярии вышел сам капитан Лазаренко. Проходя через расположение, командир опытным взглядом отмечал качество заправки и равнение кроватей, прочие детали повседневного военного быта для использования на предстоящем собрании с участием командира батальона подполковника Тимошенко.

Построились на улице, повзводно и по росту. Осенний вечер вступил в свои права. Зажглись фонари на столбах вокруг строевого плаца. Поеживаясь от прохлады, проникающей под ПШ, курсанты ожидали выхода капитана.

Старшина доложил командиру роты о том, что личный состав по его приказанию построен.

– Вольно! – скомандовал капитан Лазаренко. – Идем в клуб смотреть фильм. Коллективный просмотр.

На каждом построении командир роты считал необходимым сказать о том, что наиболее важно для воспитания будущих офицеров. На этот раз он обратился к курсанту Волкову, который любил спать на лекциях:

– Товарищ Волков, у вас что, летаргический сон? Вы хотите проспять все четыре года и стать лейтенантом? Ни хуя подобного!!! Старшина, наряд вне очереди Волкову, командуйте!

Роту выровняли еще раз, после команды «Смирно!» повернули налево и дали команду «Шагом марш!», а следом – «Песню запевай!» Запевалой был голосистый курсант первого взвода Сафо, который по своим музыкально-вокальным, когнитивно-коммуникативным и прочим наборам способностей без проблем мог бы стать отличным курсантом любого военно-политического училища, по нему реально рыдал факультет культпросветработы.

– Солдатушки, бравы ребята-у-ушки, где-е же ва-а-аши де-еды? – вытянул Сергей первую строчку заученной еще летом в лагере «Песочное», предложенной им же командиру роты старинной строевой песни.

– Наши де-еды – славные побе-еды, вот кто на-а-аши де-еды! – заорала вся 23-я рота, с тоской поглядывая на манящий свет окон курсантской чайной «Огонек», где у прилавка толпились курсанты в стремлении получить из рук горластой бабы Кати имеющееся в ассортименте съестное: пирожки, коржики, пряники, конфеты, кофе с молоком из большого алюминиевого бака. Это потом нам станет известно, что ее отчитывал за ассортимент сам начальник училища генерал-лейтенант Расшупкин Иван Ефимович, именно за то, что в курсантской чайной почему-то никогда нет, собственно, чая. При этом наш добрый дед надел курсантское ПШ и зимнюю шапку вместо папахи, чтоб издалека не увидела, а когда через прилавок их взгляды встретились, баба Катя горланить прекратила, потому что дар речи потеряла сразу...

– Правое плечо вперед! – скомандовал Король. Рота повернула налево и теплые желтые огни курсантской чайной скрылись у нас за спиной.

Остановив роту напротив клуба, старшина выяснил, что на этот фильм нужно было билеты покупать, о чем немедленно доложил неспешно подошедшему командиру роты.

В серой повседневной шинели, кожаной португее и хромовых сапогах, крупная фигура капитана Лазаренко замерла лишь на мгновение. Оглядев всю роту, офицер посмотрел на часы и дал команду заводить личный состав в клуб.

Стремительный штурм полутораста людьми заведения военной культуры не прошел даром: уличные створки деревянных дверей согнулись, а затем, освободившись от выстреливших сверху и снизу шпингалетов, распахнулись с диким грохотом, штукатурка крашенных стен зашуршала, осыпаясь на пол. Помню, как сам поджал ноги, ребра защитил согнутыми руками, и толпа буквально занесла меня в таком виде прямо в фойе клуба. Следующие за нами еще три взвода 23-й роты поддавали напора. В результате этого пострадало парадное препятствие: лопнула и рассыпалась толстая стеклянная дверь фойе.

Пытавшийся воспрепятствовать этим наглым безбилетникам начальник клуба майор Князев, увидев такой акт вандализма, орал что есть мочи, но его уже никто не слушал, все бежали в кинозал занимать места. Провожая взглядом курсантов 23-й роты, залетающих в фойе с видом победителей, лицо майора становилось грустнее и выдавало крайнюю степень печали, как у Пьеро без Мальвины. Казалось, что он вот-вот заплачет горькими слезами.

В это время к начальнику клуба подошел курсант второго курса, в его руках был билет на сеанс с указанным в нем номером места в десятом ряду.

– Товарищ майор! Вот, – обходя в смятии кучу стеклянных осколков, курсант подошел к начальнику клуба и протянул честно приобретенный в кассе входной билет.

Мысленно майор Князев уже стоял в кабинете полковника Костюченко, подбирая нужные слова в свое оправдание, а также ответы на возможные вопросы, типа: «Надоело в Ярославле? Какой из отдаленных гарнизонов страны выбираешь для продолжения дальнейшей военной службы?» Он смотрел прямо в лицо курсанта, но не видел его.

– Товарищ майор! Вот мой билет, – продолжал второкурсник, пытаясь вернуть Князева в реальность.

Начальник клуба вышел из оцепенения, еще раз взглядом грустных глаз окинул картину разрухи, подобрал валяющуюся на бетонном полу никелированную ручку от разбитой стеклянной двери, тяжело вздохнул, наконец-то, к искренней радости курсанта, взял в руку протянутый ему листочек голубого цвета, внимательно рассмотрел и выпалил неожиданно громко даже для себя самого:

– Да пошел ты на хуй со своим билетом!!!

Лазаренко уже подходил к дому, где за накрытым столом его ожидало продолжение начала того недавно праздника, и ничего этого уже не видел.

...В зале было темно, когда мы с Саней Локтионовым все же попали туда. Партер занимали курсанты четвертого курса, без пяти минут выпускники – лейтенанты интендантской службы. Галерка тоже была занята непонятно кем, остальные сидели просто в проходах на пятой точке, все орали и топали ногами, требуя зрелищ.

Именно в это время в зале снова включили свет и на сцене появился полковник Пальчиков: высокий офицер, парадная шинель с красной повязкой дежурного по училищу перетянута коричневой португеей с кобурой, хромовые сапоги блестят, папаха из светлой овчины зрительно делала его еще выше. Со сцены он объявил, что фильм платный, поэтому всем безбилетникам нужно покинуть кинозал. Иначе кино не будет.

Никто из сидящих на полу курсантов не дернулся, победители начали снова орать и топтать ногами. Тогда Пальчиков достал из кобуры пистолет и показал его всем на вытянутой руке, прямо как комиссар Ключков у разъезда Дубосеково: велика Россия, а отступить некуда.

– Четвертый курс, встать! – решительно скомандовал Пальчиков. – Приказываю вывести безбилетников из зала.

Улыбаясь и играючи, крепкие парни с четырьмя лычками на рукаве стали поднимать и пинками выталкивать из душного зала первокурсников. Мы с Саней Локтионовым, неробким тульским самбистом, не поддались и где-то уткнулись на галерке. От невыносимой духоты хотелось пить и раздеться догола.

Когда проходы были расчищены, курсанты четвертого курса хором прокричали:

– Ура полковнику Пальчикову!

Пальчиков улыбнулся, поклонился на сцене зрителям, как артист после выступления, прислонив правую руку к груди, затолкал свой пистолет в кобуру и удалился.

Свет в зале снова погас, на экране появились знакомые кадры неплохой программы «Фитиль», которая коротко изобличала огрехи в различных сферах жизни страны социализма, победившего окончательно, а после показали фильм «Удар в спину» 1977 года, вызвавший лично у меня глубокое разочарование.

Сюжет: в одном из райцентров Азербайджана убивают старика Гамерли, приехавшего навестить своего племянника. Следователь Керимбейли устанавливает, что старик убит ножом, брошенным ему в спину. Подозрение падает на Имаша, вернувшегося недавно из мест заключения. Такой версии придерживается прокурор Дадашлы. Но молодой следователь Керимбейли не согласен с ней. Его поиски приводят к предвоенным годам, когда здесь действовала банда грабителей и точно таким способом был убит человек.

Ну не стоил этот фильм сломанных и разбитых дверей клуба, нервов его начальника и дежурного по училищу, даже денег, потраченных курсантами на покупку билетов.

После вечерней поверки и исполнения всеми знаменитого гимна «Союз нерушимый республик свободных...» рота разошлась готовиться ко сну.

– Валя, хлеба у нас нет, сухими баранками обойдемся, – сосед по кровати Андрей Никитин не любил ложиться спать голодным, поэтому он открыл банку сайры в масле, которая избавила нас от тягучего сосания под ложечкой...

Это был конец 1978-го, на носу – любимый праздник детства, Новый год, первая зимняя сессия, первый отпуск с поездкой домой в курсантской форме.

Все было впервые и вновь...

Москва, март 2024 г.

Золотая долина

В далекий край

Первое место службы после окончания училища. Первые шаги и открытия, первые удачи и промахи в самостоятельной жизни, новые друзья и знакомые. Найдутся ли такие, кто все это забыл?

В штабе Дальневосточного военного округа, куда я приехал по распределению, мне предложили должность в 41-м топогеодезическом отряде. На Дальнем Востоке, как при этом объяснили, места много, но это – не самое худшее. Так называемая Золотая долина.

В поезде, наблюдая непривычные пейзажи, мелькающие за окном, я вспоминал безоблачное детство. Вспоминал, как мама, пока я учился, измеряла на карте расстояние до училища: большой палец правой руки ставился на Макеевку, а указательный стремился дотянуться до Ярославля.

– Вот как далеко! – заключала она. – Как до Львова!

Мама отдыхала на курорте Моршин, который славится своими минеральными источниками, а там до Львова рукой подать.

– Ну а теперь, мам, меряй вот так, – после выпуска показал я на большую карту Союза ССР в ее книжном магазине, раздвинув руки на ширину плеч.

Мама усмехнулась и пересказала причитания бабушки, узнавшей, что внук едет служить на Дальний Восток:

– «У нас туды полицаев ссылалы писля вийны. А Валика за що? Хай Бог мылуе».

Шахтерский город Партизанск (г. Сучан до конфликта с КНР в 1969 г.), куда пришлось ехать, со своими терриконами и прочей горняцкой узнаваемостью напоминал родной Донбасс. А сам Приморский край с его пирамидальными тополями, мягким климатом и колоритным населением – Украину в целом.

Наш гарнизон находился на окраине Партизанска, в сопках. Большинство офицеров отряда были выпускниками Ленинградского высшего военного топографического командного училища (ЛВВТКУ). Ежегодно они обновляли и пополняли вместе с женами и детьми население района. Где учился, там и женился. Справедливость этой поговорки подтверждалась всюду, а отряд в данном случае не был исключением из правил. Женский коллектив составляли блондинки и брюнетки, высокие и не очень, тонкие и объемные, добрые и коварные. Некоторые дамы считали себя настоящими отпрысками старой питерской интеллигенции и на этом основании пытались обзавестись достойными знакомыми. Не у всех это получалось. И нередко отдельные молодые барышни, насытившись гарнизонной жизни, очень скоро возвращались в северную столицу. Холостяцкий коллектив офицеров в таких случаях пополнялся еще одним женоненавистником.

Две школы

*Даже пить теперь младшие офицеры не умеют!
Двенадцати часов еще нет, а за столом уже, как видите, пять
пьяных.*

(Ярослав Гашек, «Похождения бравого солдата Швейка»)

Как и полагается в отдаленных гарнизонах, дружбу между собой офицеры укрепляли совместными посиделками по значительным, на их взгляд, поводам. В очередной раз таким поводом стало появление первенца в семье лейтенанта Солнцева, молоденькая жена которого продолжала находиться с новорожденным в роддоме. Молодой и гордый отец (все-таки сын родился!), соблюдая офицерские традиции, решил «проставиться», то есть после работы пригласил сослуживцев к себе домой отметить радостное событие.

Понятное дело, что в однокомнатную квартиру виновника «офицерского собрания» пришли в основном его вчерашние однокашники по училищу. Но были также их старшие товарищи по службе. Колорит в разговорах за столом, кроме топографов, добавляли и другие приглашенные офицеры.

На столе было так много бутылок «Столичной», что возникла торжественность. Эта запомнившаяся из прочитанных книг фраза как нельзя лучше подходит для описания происходившего. Тосты того застолья в отличие от кавказских тостов были невычурными. Пьющие желали здоровья Солнцеву и его жене, их новорожденному сыну и родителям молодых родителей. Потом желали футбольную команду пацанов нарожать и прочее, и прочее... Но чем дальше от старта, тем менее вразумительными становились речи и поведение гостей, да и самого хозяина.

Очень большой и добрый старший лейтенант Саша Родионов был более предусмотрительным. Он по-хозяйски сразу определился на уже почему-то разложенном диванчике. Восседавая на нем, Саша поначалу активно руководил мероприятием, выступая в роли тамады. Это было воспринято с удовольствием, поскольку всем в отряде было известно, что рассказчиком Родионов был просто замечательным. Однако через короткое время, несколько не смущаясь, он отстранился от всеобщего веселья. Откинувшись на спину и по-богатырски разложив руки на том самом диванчике, Саша сладко засопел. Иногда посапывание переходило в молодецкий храп с переливами. Это забавляло все более хмелеющих сослуживцев. Командир взвода связи, представлявшийся для солидности начальником связи отряда, старший лейтенант Ильяшенко объяснил происходившее, больше для новеньких, что Родионов, мол, до прихода к Солнцеву успел с мужиками в штабе «съесть пару стаканов» по неизвестному поводу, а лежание на диване, как в этом случае, дело для него обычное.

Тем временем праздник продолжался. Пили и закусывали, болтали и курили, рассказывали анекдоты и пели песни. Когда время перевалило за полночь, выяснилось, что Саша в отличие от других участников застолья, отоспавшись, оказался почти трезвым. Чудесное пробуждение и переход любимца публики в сидячее положение приветствовали дружным шуточным рукоплесканием. Еще протирающему от сна глаза Саше тут же поднесли «штрафную» в честь его возвращения к столу. Он не смог отказать настойчивости своих разгулявшихся товарищей. Выпив стоя и затолкав в рот кусок надкушенной ранее колбасы, Родионов с высоты своего роста оценил обстановку. Без труда он определил тех, кто самостоятельно уже не мог передвигаться. Ими оказались два «старлея»: Володя Лядский и Толя Мелешко. Жили они, как и сам Родионов, в новом, недавно сданном военными строителями в эксплуатацию пятиэтажном панельном доме. Он стоял в стороне от остальных домов офицерского состава, у под-

ножия безымянной сопки. Саша посмотрел на часы и, присвистнув от удивления, дал команду покинуть гостеприимный дом.

Молодые женатые лейтенанты обрадовались такому предложению, поскольку спешили домой, где их ждали, скорее всего, в смятении, их «боевые подруги». Холостяки, образ жизни которых достоин отдельных рассказов, напротив, никуда не торопились, тем более что все они жили в большой трехкомнатной квартире той самой пятиэтажки, куда надо было следовать большинству присутствующих. Кто-то из холостяков вспомнил, что перед уходом полагается выпить «на коня». Выпили «на коня», потом «на посошок», потом еще за что-то и еще в честь кого-то. В конце концов не без проблем стали искать свои вещи: кители, галстуки, фуражки и сапоги. Разобравшись с этим и попрощавшись с пошатывающимся хозяином, все вывалились на улицу.

– Раненых не оставлять! Это закон! – гаркнул Родионов в сторону пытавшихся уйти неопытных лейтенантов.

Правая рука Александра удерживала Вову Лядского, а в его левой руке почти на весу болтался Толя Мелешко. Ни в чьей помощи Родионов не нуждался. Похоже, что эвакуация раненых была его почетной обязанностью. Следовать за ним всем остальным он призывал скорее из чувства мужской солидарности.

Процессия двинулась по кратчайшему маршруту. Блестящие сапоги романтиков военной службы бесстрашно топали по лужам, в зеркале которых отражались ночные звезды.

По улице, слабо освещаемой перекошенными и ржавыми фонарями, сновали только бездомные псы. Их небольшая пестрая стая с интересом наблюдала за построением и движением колонны загулявших офицеров. Дворняги понимающе молчали. Видимо, подобные сцены в их гарнизонной собачей жизни были не в диковинку.

Путь к дому заканчивался небольшим подъемом, который группа преодолевала мужественно под какую-то заунывную песню. Первым из «раненых» очнулся Вова Лядский. Он поднял голову и посмотрел вокруг мутным взглядом. Глаза уставились на окна квартиры замполита отряда подполковника Беловолова. Может быть, в голове Володи промелькнули сцены недавнего партсобрании, на котором соратники по КПСС делали внушение молодому коммунисту Лядскому с подачи замполита. А может ему вспомнился весенний дележ квартир, в результате которого Лядскому досталась не самая лучшая угловая «однушка» (он считал, что без участия замполита и здесь не обошлось). Может быть, может быть, но в этот момент заглушенная обида хлынула наружу, и Володя, стремительно освободившись от опеки Родионова, схватил первый попавшийся под руку булыжник покрупнее и замахнулся для броска.

По метанию учебных гранат на дальность еще в училище он был в числе чемпионов. Вовремя вспомнив об этом, сопровождающие встрепенулись и дружно повисли на руке Володи. Броска не получилось. Лядский сопротивлялся, но недолго. Саша Родионов снова одной рукой сгреб товарища и поволок его к дому. Левая рука Александра во время потасовки продолжала удерживать Толю Мелешко, который в отличие от Володи никаких хулиганских действий не предпринимал, покорно отдыхая под мышкой Родионова.

Семьи Володи и Толи жили в одном подъезде. Это упрощало процесс их доставки. Надя, жена Володи, украинца по происхождению, неизвестно как оказавшегося курсантом топографического училища, была уроженкой Великого Новгорода. В Питере она училась «на инязе» (английский и немецкий языки). Как отличницу ее даже посылали на стажировку в несуществующую ныне Германскую Демократическую Республику. В Партизанске Надя работала педагогом в средней школе. Хлеб, как известно, почетный, но нелегкий. По дороге на работу Надя отводила в садик трехлетнего сынишку, а после работы забирала его. А дома, как обычно, заботы, заботы... Так что изрядно подзадержавшегося папу семья ждала в постели, в сладком сне.

Володю подвели к двери его квартиры и помогли найти кнопку звонка. Лядский уперся в него и надолго застыл в этом положении.

Можно представить себе состояние Нади, которая видела, пожалуй, уже не первый сон и среди ночи была разбужена непрерывным противным звуком. В приоткрывшуюся дверь показалось ее испуганное заспанное лицо. Стоявшие на площадке разглядели шикарные волосы, белую кожу, край ночной сорочки. От смущения молодежь отвела глаза в сторону.

Надя решительно отстранила руку мужа, звонок замолчал, но Лядский, потеряв точку опоры, не упал только благодаря своевременному вмешательству Родионова. Володя громко икнул, поднял голову и открыл красные воспаленные глаза.

– П-п-ш-ш-л-ла н-н-на-а хер! – заплетающиеся губы твердо произнесли только последнее слово.

Надя раздосадовано махнула своей белокожей рукой и удалилась. Она не первый раз встречала мужа в таком виде и прекрасно понимала бесполезность немедленного выяснения отношений. Это потом будет «ария Риголетто» на унитазах в исполнении Володи, он будет периодически бегать опустошать желудок, изнывающий от неумеренного количества потребленного алкоголя. Это потом Надя расскажет подружкам как «ее негодяй», не раздеваясь, уснул калачиком в кресле с детскими вещами, как он ворочался всю ночь, а игрушки-пищалки не давали ей заснуть. Все это будет потом, а пока, после своей неожиданной тирады, Володя стал пробираться в квартиру с видом победителя. Дверь захлопнулась.

– Вот это школа! Настоящий мужик! – авторитетно и громко заявил Саша Родионов, которого вслух все поддержали.

– Такая спокойная и милая жена, а он так себя ведет, – гораздо тише сказал кто-то из новеньких.

Толя Мелешко жил двумя этажами выше. Как только группа с топотом затащилась на площадку, дверь квартиры уже распахнулась.

Все увидели перекошенное от злобы лицо жены Анатолия, Лиды. В девичестве, как следовало из личного дела Анатолия, у нее была экзотически короткая фамилия Эм. С Толей они тоже познакомились в Питере и по распределению мужа приехали в Партизанск. Двое из детишек хоть и носили фамилию Мелешко, были похожи скорее на потомков Чингисхана.

Лида в отличие от Надежды Лядской в ожидании мужа не спала. Несмотря на поздний час, на ней было вечернее платье и модные австрийские туфли. Еще сильнее удивляли ее ярко накрашенные губы и отчетливый запах духов «Красная Москва».

Можно было спорить с кем угодно, что Лида поминутно подходила к окну, выглядывая супруга, и наверняка наблюдала сцену покушения Лядского на окна замполита, а потом прислушивалась у замочной скважины к суете на лестничной площадке.

Дальнейшие действия Лиды были такими же стремительными, как и внезапное распахивание двери. Выскочив на площадку и не обращая ни малейшего внимания на присутствующих, она выдернула у Саши Родионова тело мужа. В лучших традициях корейских единоборств Лида нанесла Толе короткий и резкий удар коленкой в промежность. Следующим движением она отбросила спутника жизни в коридор квартиры. Не сопротивлявшийся ничему Толя упал, как мешок картошки: с грохотом, но без крика. Дверь квартиры захлопнулась так же быстро, как и отворилась накануне.

– М-м-л-я-а-а! Вот стерва нерусская! Мужик после работы, уставший, а она такие «фентили» вытворяет, – пробасил Родионов, приправив свой комментарий шедеврами ненормативной лексики.

Вслух его все поддержали.

– Вот это школа! – добавил кто-то удивленным голосом.

Покурив и посмеявшись на улице, стайка «отдохнувших» офицеров разошлась по своим домам.

С утра все были на службе.
Москва, 2003 год

Доктор Потемкин

Не могу также не напомнить вам случая, когда уважаемый товарищ Терхарьянц с таким усердием катетеризировал у солдата Иванова евстахиевы трубы, что у больного лопнули обе барабанные перепонки.

(А.П. Чехов «Интриги»)

Фамилия Потемкин в России известная. Генерал-фельдмаршал, фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II, Григорий Александрович оставил заметный след в истории. Манящая Таврия, потемкинские деревни и прочие в этой связи события влияют в памяти любого человека, располагающего знаниями хотя бы в объеме школьной программы.

В Партизанске эта фамилия тоже наделала много шума. Правда, никаких доказательств родственных связей со знаменитым однофамильцем врач отряда, весельчак и балагур с гусарской внешностью, старший лейтенант медицинской службы Потемкин никогда не представлял, да и не стремился к этому.

Мастер подпольных абортов (что в то время каралось очень строго) и эффективного лечения на дому самых разных болячек, в первую очередь венерических, Потемкин имел непререкаемый латентный авторитет далеко за пределами гарнизона. Его знали и уважали люди любых возрастов и профессий, были рады видеть в разных кругах. Для него не существовало типовых вопросов. Достаточно сказать, что по делам службы и не только доктор разъезжал на медицинском «РАФике», невесть как им полученном согласно наряду вместо полагавшегося по штату санитарного военного УАЗа.

Если у кого-то возникали какие-либо трудности и не было возможности их преодолеть, то обращались к Потемкину. В обществе тотального дефицита он был человеком незаменимым.

За очередным званием и должностью Потемкин уехал из Партизанска к новому месту службы, но в гарнизоне о его проделках еще долго рассказывали самые разные истории. Одна из них была связана с медицинским спиртом.

* * *

За лекарственными препаратами для санчасти отряда, к числу которых относится и медицинский спирт, Потемкин периодически выезжал на армейские медицинские склады в Уссурийск. Возвращения знаменитой машины с нетерпением ждали, в первую очередь, собутыльники эскулапа, который на этот счет был не промах и периодически устраивал пробы полученных медикаментов в своем кабинете.

Как-то раз снятие пробы происходило с участием старшего помощника начальника штаба (СПНШ) отряда майора Кардаша и главного связиста отряда старшего лейтенанта Ильяшенко, личностей также весьма колоритных.

Напробовались спирта друзья уже изрядно, когда Кардаш вдруг вспомнил о том, что при ношении форменной фуражки ему доставляет неприятности откуда-то взявшаяся шишка на затылке. В народе эту шишку называли бы жировиком. Но Потемкин после беглого осмотра головы и несколько сильных пальпаций, поставил научный диагноз:

– Липома!

Испуг нетрезвых обывателей скрыть было трудно.

– Фигня! Доброкачественная опухоль из жировой ткани. Сейчас вырежем! – с этими словами доктор отошел в сторону и извлек из стерилизатора зловеще сверкнувший скальпель, которым обычно вскрывал нагноения неудачливым солдатам.

– Как?! – встрепенулся Ильяшенко и, подумав немного, добавил шепотом: – Будешь резать без анестезии?

– Анестезии не понадобится! – успокоил связиста Потемкин, поворачиваясь. Его улыбка больше напоминала оскал кровопийцы Дракулы.

Вместо анестезии он велел налить Кардашу, который в любом состоянии никогда не отказывался от угощения, еще полстакана спирта. Через некоторое время бесчувственное тело СПНШ уложили на кушетку.

Операция заняла несколько минут. Скальпелем даже в пьяном виде доктор владел виртуозно. Хуже получилось с послеоперационной перевязкой, которую взялся наложить начальник связи. Голову Кардаша неумелый ассистент замотал бинтами, которые густо пропитались кровью, так что после операции СПНШ стал похож на киношного защитника Брестской крепости. Вдобавок к этому он никак не приходил в сознание. Привычный в таких случаях нашатырь подействовал, но ненадолго. Потемкин, пошатываясь и держась за косяки дверей, вышел из кабинета за подмогой.

На глаза попался водитель медицинского «РАФика» солдат Затулис, здоровенный литовец, которого Потемкин уважал за молчаливость и суровый нрав. Затулис привык к тому, что доктор периодически и без меры релаксировал, а в подпитии отдавал малопонятные распоряжения. На этот раз Потемкин потребовал взять носилки, найти кого-нибудь в помощь и следовать за ним. Затулис кликнул своего земляка, лечившегося в санчасти от дизентерии.

В кабинете солдаты аккуратно переложили СПНШ с кушетки на носилки. Потемкин привычным движением расправил свои шикарные черные усы, пригладил смоченной под краном рукой непокорные волосы, закурил папиросу и дал команду на выход.

Путь необычного санитарного конвоя пролегал через «Олимпийскую деревню». Так после московской Олимпиады-80 острословы окрестили полукилометровую улицу, которая начиналась от КПП отряда и упиралась в сопку. Санчасть как раз располагалась прямо под сопкой, а дом Кардаша – ближе к КПП. С обеих сторон этой не носившей официального названия улицы стояли старые дома офицерского состава (ДОС). Их еще называли финскими. Деревянные постройки были рассчитаны на четырех хозяев, по две жилых секции с каждой стороны. Отопление там было печное, водопровод и прочие удобства цивилизации – на улице. В этих домах в то время жили семьи офицеров гарнизона в ожидании сдачи военными строителями новой панельной пятиэтажки.

Жили дружно и весело. Бытовые неудобства компенсировались красотой окружавшего ландшафта и свежестью приморского воздуха. Вечерами жители высыпали на улицу. Детишки копались в импровизированных песочницах, их мамы судачили на лавочках обо всем подряд. Закончился сезон отпусков и вернувшимся с «Большой земли» женам офицеров было о чем поговорить. Кто семечками баловался, кто кофточки вязал, кто с детскими колясками дефилировал, но все были в ожидании, когда мужа придут со службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.